

По дороге к небесным городам и адским воронкам

В своей заметке «Таблица умножения для молодых поэтов» Варлам Шаламов (1907–1982), настоящий поэт и бывший заключённый, сообщая о непреложности законов искусства, точных, как математика (« $1 \times 1 = 1$ »), вместе с тем утверждает невозможность создания подлинно поэтических произведений на законных основаниях: «Научиться писать стихи – нельзя». И вообще лучше «не суйтесь в науку».

Отсюда и его тезис о бесполезности изучения творчества мастеров прошлого в учебных целях – «большие поэты никаких путей не открывают». Путь каждого уникален и, если есть один Мандельштам, второго не будет. «Пути подражания для поэта закрыты».

Но Мандельштам – поэт, который во многом определил лицо эпохи, он входит в десятку лучших отечественных поэтов по версии Шаламова, и, если писать, как «большой поэт», больше нельзя – возможна ли вообще «большая поэзия» после Осипа Эмильевича?

Вопрос не простой, хотя и малозначимый – для десятков, а сегодня возможно и сотен, поэтов, которые начинают писать стихи, слыхом не слышав ни о Мандельштаме, ни о Шаламове, а некоторые даже и о Пушкине.

Таким образом поэзия возможна всегда и везде и, если мы, в равной степени, не знакомы со стихотворениями кроманьонца, обитавшего в пещере Альтамира, или бухгалтера из Саратова, это не значит, что у наших предков не было тяги к рифме, а в Саратове нет поэзии. Но мы говорим, конечно, о «большой поэзии».

Хотя сам Шаламов как будто с уважением относился к первобытным людям (возможно в силу того, что провел рядом с ними немало лагерных лет), в той же заметке, указывая на бесполезность следования за великими, замечает, что «более квалифицированных и менее квалифицированных стихов попросту не существует. Есть только «стихи» и «не стихи» ...».

Возможно ли сегодня появление «Стихов» и Поэтов с большой буквы, может ли случиться в нашу эпоху перемен поэзия, сопоставимая с творчеством Пушкина, Мандельштама и Блока, и, если Пушкин и Мандельштам равно велики, можем ли мы говорить о прогрессе и развитии поэзии в принципе?

Шаламов, предпочитая говорить афоризмами, всё-таки пытается нас уверить, что для гуманитариев возможна точность («космос поэзии – это ее точность»), а для молодых поэтов полезна «таблица умножения». Посему применяя к тексту поэта полезные математические правила, поделим его надвое. И далее можем говорить, что речь у Шаламова по сути – о форме и содержании

стихотворения. И если техника стиха – только техника, то стоящая за рифмованным строчками судьба автора – всё. «Поэзия – это опыт».

Здесь есть несколько искусственное противопоставление внешнего и внутреннего, и сам Шаламов не всегда последователен, допуская, например, что работа с техникой стихосложения может помочь внезапно открыть «какую-либо подлинную тайну искусства» или что «поэтическое наследие XX века» всё-таки нужно знать. Но у Шаламова, вспоминая, как звучат стихи в тысяче километров от Союза писателей на таёжных делянках лагерной России, были основания ценить авторский опыт и игнорировать поэтические школы.

И, может быть, смысл всех высказываний Шаламова о поэзии именно в этом – в утверждении значимости личного опыта. Не только в Колымской мерзлоте, но и в культурной пустоте, при перманентном кризисе всех ценностей и торжестве образа над буквой.

Даже там, где разрушены связи между людьми и культура лишь тень на снегу, там, где люди забыли не только о поэзии Мандельштама, но даже и зачем запятые в стихотворении, – поэзия возможна. В одном из своих собственных стихотворений Шаламов говорит о «примитивности» того инструментария, которыми настоящий поэт создаёт метафизические райские (или адские) пространства рядом с «житейской судьбой».

Стихотворение с большой буквы возможно – если только большие буквы остались в душе человека. Подлинный поэт – не наставник и ментор, но тот, кто, как первый Человек, сделался «душою живою» (Быт.2:7), «поэт всегда нравственный пример».

Собственно стихи и должны измеряться не линейкой чужого творчества, но знаками в собственной душе. И наоборот – всегда нужно «стихами проверять собственную свою душу, ее неосвещенные углы». И, пока резонируют стихи и душа, поэзия возможна.

И пусть «Большие поэты» не торят тропки для других. Каждый сам может протоптать тот путь, который откроет изумлённым глазам новые небеса и новую землю. Небесные города, адские воронки.